

Владимир Новоселов

ВТОРЖЕНИЕ В ТЕЛЕСИЮ

МЕДИЦИНСКИЙ ТРИЛЛЕР

Владимир Новоселов

**Вторжение в Телесию.
Медицинский триллер**

«Издательские решения»

Новоселов В.

Вторжение в Телесию. Медицинский триллер / В. Новоселов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690953-3

Вы думаете, простуда — это скучно? Какая наивность! Прямо сейчас внутри вас гремят взрывы и совершаются подвиги. «Вторжение в Телесию» — это военная хроника вашей личной Империи. Здесь лейкоциты идут в штыковую, вирусы строят коварные планы, а скучная анатомия превращается в остросюжетный детектив. Узнайте, кто спасает вашу жизнь, пока вы просто пьёте чай с малиной. Война уже началась, Ваше Величество! Откройте книгу.

ISBN 978-5-00-690953-3

© Новоселов В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1. У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ	9
ГЛАВА 2. ПОЖАР В КВАРТАЛЕ ДЫХАНИЯ	17
ГЛАВА 3. ЛЕДЯНОЙ ПОХОД	24
ГЛАВА 4. ТУМАННАЯ ЛОВУШКА	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вторжение в Телесию Медицинский триллер

Владимир Новоселов

© Владимир Новоселов, 2026

ISBN 978-5-0069-0953-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – особенная. Она родилась не просто из фантазии, а из одной возмутительной тайны, спрятанной в учебнике литературного мастерства «Как написать сказку». Там, среди полезных советов и скучных упражнений, затесался набросок под названием «Вторжение в Телесию». Это был всего лишь черновик, своего рода приквел к большим событиям. Маленькое зернышко.

Но истории – они как газовая смесь: имеют свойство занимать весь предоставленный объём. Им тесно на одной странице. Они хотят расти, дышать и, к сожалению, иногда воевать. Черновик начал требовать продолжения.

Поэтому мы взяли тот старый набросок, добавили в него немного медицинской энциклопедии, щепотку рыцарского романа и неизбежность приключений. Так проявился этот мир. Мир, который прямо сейчас существует внутри тебя.

Готов узнать, что происходит в твоей собственной Вселенной, пока ты просто лежишь под одеялом? Тогда открывай первую главу. Дверь в Телесию не заперта. Впрочем, туда часто входят без стука.

ГЛАВА 1. У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Петька лежал в кровати, укрытый одеялом по самый нос. Ему казалось, что он огромный, тяжёлый мешок с мокрым песком, который рабочие с соседней стройки по ошибке затащили в его комнату. Пахло пылью, микстурой и мировой скорбью. Даже смартфон на тумбочке мигал как-то уныло, словно прощался.

Дверь тихонько приоткрылась. В комнату заглянул Колька. Увидев друга, он на цыпочках пробрался к кровати, придвинул стул и сел, положив на колени потрёпанную общую тетрадь.

– Ты как? – спросил он шёпотом.

– Никак, – прохрипел Петька. Голос был скрипучий, чужой, будто из ржавой водосточной трубы. – Вроде ничего не болит, а сил нет. Руку поднять – подвиг Геракла. Наверное, просто устал.

– Устал? – Колька усмехнулся, как профессор медицины, беседующий с первокурсником, и раскрыл тетрадь. – Эх ты, темнота. Ты не устал, Петя. Ты стал полем битвы.

Петька скосил глаза на друга. В его взгляде читался здоровый скепсис человека, у которого только температура 37,2, а до бреда сумасшедшего дело ещё не дошло.

– Чего? Какое ещё поле? Коль, иди домой, а?

– Оцени масштаб, – Колька не сдавался. Он начал говорить тем особенным, вкрадчивым тоном, каким обычно рассказывают правду, в которую никто не поверит. – Ты думаешь, ты просто болеешь? Нет. Твоё тело – это древняя империя Телесия. В ней тридцать триллионов жителей. Это больше, чем звёзд в нашей Галактике! И у каждого жителя твоей империи – свой дом, свой характер и своя вредность.

– И кто там, по-твоему, живёт? Гномы? – Петька демонстративно отвернулся к стене, всем видом показывая, что разговор окончен.

– Там живёт цивилизация! – голос Кольки зазвучал твёрдо, как удар молотка судьи. – Там есть города-органы. Есть бурные реки-сосуды, по которым носятся корабли-эритроциты с грузом кислорода. Есть полиция, строители, доносчики. И всем этим правит Король Мозг из высокой башни Череп. Он сидит там, окружённый Дофаминовыми Садами, слушает музыку и думает, что в королевстве тишь да гладь. Короли вообще любят верить в лучшее, пока у них под окнами не начинают стрелять.

Петька, вопреки желанию, прислушался. Уж больно складно Колька врал.

– А ты откуда знаешь?

– А я записал. – Колька похлопал по тетради. – Я сидел и писал этот рассказ как домашнее задание. А потом вдруг понял: я не выдумываю. Я документирую. Это всё происходит прямо сейчас.

– Что происходит-то?

– Полчаса назад на Северной Границе, прямо у тебя в носу, случилась катастрофа, – гнусавым и таинственным голосом продекламировал Колька. – Я записал события как военный корреспондент. Слушай.

На Северной Заставе, защищающей вход в великую Носоглотку, царила суровая дисциплина и слаженная работа всех пограничников.

Это было красивое место. Стены Слизистой Оболочки светились оптимистичным розовым светом. Миллионы ресничек мерцательного эпителия стояли плотными рядами. Время от времени по команде невидимого дирижёра они создавали мощную волну, похожую на движение рук фанатов на рок-концерте. Эта волна подхватывала каждую пылинку, имевшую неосторожность оказаться на пути их движения, и вышвыривала её прочь от ворот Империи.

Нейрон Афферентный номер 734, для друзей просто Ней, стоял на посту в будке связи. Выглядел он безупречно: белоснежный мундир из драгоценного миелина, золотые нити-

аксоны уложены волосок к волоску. Такой безупречный вид требовал немалых усилий, но единственным занятием на посту была монотонная проверка однообразных сигналов. И в глазах офицера читалась вселенская скука.

– Тоска, – пробормотал он, провожая взглядом толстых, жизнерадостных эритроцитов, плывущих по капилляру. – Я создан для высокой поэзии электрических импульсов! Я должен передавать мысли о любви, **об** интегралах... А меня заставили сторожить этот сквозняк. Я не нейрон, я дверной звонок!

Его мечтой были Дофаминовые Сады при Дворце – место, где элита нервной системы купается в неге. А здесь? Здесь пахло сыростью и провинцией.

Рядом с будкой Нея стоял домик Тётушки Муцины. Это была добрая, пухлая бокаловидная клетка в пышном переднике. Всю жизнь она занималась тем, что варила отличную, густую слизь для смазки ворот.

– Не ворчи, милоч, – улыбалась обычно Тётушка Муцина, когда проходила мимо. – Тишина – это благодать. Значит, Король доволен. А когда Король доволен, всем хватает питательных веществ и кислорода, работа спорится, и даже митохондрии жужжат веселее.

Невесёлые размышления Нея были прерваны появлением у ворот Незнакомца.

Он не был похож на варвара – грязную, шумную бактерию, которых обычно прогоняли пинками. О нет. Это был высокий господин, закутанный в элегантный капсидный плащ, переливающийся сложными геометрическими узорами. Он двигался с грацией аристократа, всем своим видом демонстрируя добрые намерения.

Стражники-рецепторы у главной мембраны скрестили алебарды.

– Стоять! – рявкнул Старший рецептор. – Зона биологического контроля. Предъявите маркер «Свой-чужой»!

Незнакомец учтиво поклонился:

– Приветствую доблестных стражей. Прошу прощения за беспокойство. Я – скромный архитектор из Внешнего Мира. Несу чертежи ценнейшего белка для реновации ваших стен.

Он изящным движением достал из складок плаща ключ-белок. Это была сложнейшая молекула – точная копия тех, что использовали строительные бригады организма.

Старший рецептор придирчиво осмотрел ключ. Приложил к замку. Раздался мелодичный щелчок. Логика победила осторожность.

– Проходите, господин архитектор! – рецептор расплылся в улыбке. – Добро пожаловать в Телесию! Мы всегда рады гостям с творческими способностями.

Ней, наблюдавший за сценой из окна будки, почувствовал странное волнение. В его идеально упорядоченном мире чистых импульсов и ясных команд появилось **первое**, едва уловимое сомнение – чувство, которое не имело названия в уставе. Незнакомец прошёл проверку, но от него веяло холодом. Слишком уж правильные документы для неожиданного визитёра.

Ней схватился за трубку экстренной связи с Мозгом.

– Тревога! – закричал он в микрофон. – Неопознанный объект прошёл первый периметр! Код «Оранжевый»!

В трубке зашуршало, и раздался ленивый, вальяжный голос Лорда Эндорфина:

– Ну что там ещё, лейтенант? Опять вы со своей бдительностью? Вы мешаете нам быть счастливыми.

– Сэр, в Носоглотку прошёл архитектор, у него странная аура! – настаивал Ней. – Это не строительный белок! Это... я не знаю, что это, но он мне не нравится!

– У него есть пропуск? – зевнул Эндорфин. – Есть. Значит, он свой. Король сейчас занят: он выбирает сны на вечер. В меню – полёты в облаках и мороженое. Не надо портить нам статистику благополучия своим нытьём. Отбой.

Связь оборвалась. В трубке повисла мёртвая тишина, которая показалась Нею страшнее любого крика. В Телесии часто путали спокойствие с безопасностью.

Тем временем Незнакомец, завернув за угол, **без промедления** постучал в дверь домика Тётушки Муцины.

– Заходите, сударь, заходите! – добрая клетка, увидев важного гостя, засуетилась, смахивая несуществующую пыль. – Устали с дороги? Может быть, чашечку тёплой цитоплазмы? Или свежих аминокислот?

– Вы так любезны, мадам, – незнакомец огляделся. – Вы одна?

– К сожалению. После того как дети нашли себе работу влевой Ноздре, я живу совсем одна.

– Это очень хорошо! – вдруг прошипел гость.

Из голоса исчезла патока, остался только сухой, лязгающий звук, с каким затвор огнестрельного оружия обычно встаёт на место.

– Я не пью. Я... размножаюсь.

– Простите? – Тётушка Муцина замерла с подносом в руках. – Я не совсем поняла шутку...

– Это не шутка. Это инструкция, – Незнакомец поднял руку. – Вам больше не придётся варить эту примитивную слизь. Ваша жизнь была пуста. Теперь у неё появится великая цель. Вы будете создавать копии меня.

– Но я не умею... – Тётушка попятилась, чувствуя, как уютный дом вдруг стал тесным и холодным. – Я простая бокаловидная клетка... У меня нет допуска...

– Допуск не нужен. Нужен только ресурс.

Он сделал шаг вперёд, и его элегантный плащ вдруг перестал быть тканью. Он распался, рассыпался на сотни геометрически правильных белковых блоков – капсидов. Под маской не было тела. Там, вибрируя от напряжения, висела в воздухе тугая, хищная спираль РНК – злой код, лишённый морали, но обладающий абсолютной волей.

Дверь домика захлопнулась с тяжёлым, плотным звуком, отрезая Тётушку Муцину от мира.

Ней в это время с тоской смотрел на телефонную трубку, в которой умирала надежда.

– «Король выбирает сны»... – пробормотал Ней, глядя в серое небо Носоглотки. – Конечно. Сны важнее реальности. Наша беда в том, что мы слишком хорошо устроены. У нас такая идеальная система связи, что никто никого не слышит. У нас триллионы нейронов, а мозгов, кажется, не хватает, чтобы понять простую вещь: если у ворот стоит кто-то с улыбкой и пропуском, это ещё не значит, что он пришёл нас спасать. Но разве Лорду Эндорфину это объяснишь? У него статистика. У него «индекс счастья». А то, что мы здесь, на периферии, чувствуем запах гари – так это, наверное, просто галлюцинация от переутомления...

Пока Ней предавался горьким размышлениям о кризисе управления, внутри домика происходил кошмар, ужасающий своей обыденностью.

Спираль Незнакомца захватила в плен рибосомы хозяйки – слепых, исполнительных тружениц, которые всю жизнь вязали кружева защитных белков. Чужак начал подменять чертежи.

Тётушка Муцина рванулась к двери.

– Не смейте! – закричала она. – Это мой дом! Это мои рибосомы!

Но рибосомы не слышали хозяйку. Им было всё равно, чью команду исполнять. Для них существовал только один бог – код. И этот новый код был ярче, агрессивнее и требовательнее старого.

Механизмы клетки лязгнули и заработали. Но вместо мягкой, целебной слизи они начали штамповать жёсткие, чужеродные детали. Шипы. Оболочки. Спирали.

Тётушка попыталась запустить апоптоз, стереть программу, превратить дом в безвредный мешок с мусором – лишь бы остановить этот конвейер. Но её руки-манипуляторы вдруг отказались повиноваться. Энергия митохондрий, которую она копила годами, теперь текла не на ежесекундный ремонт тела, а в ненасытную пасть вирусных захватчиков.

В окнах домика тёплый розовый свет сменился холодным, мертвенно-фиолетовым сиянием болезни.

Ней, стоявший на посту, вздрогнул, когда почувствовал, как стены домика Тётушки Муцины завибрировали, словно от озноба. Запрокинув голову, он увидел, что из трубы соседки повалила жирная чёрная копоть – дым сгоревших клеточных запасов.

– Ну вот, – грустно усмехнулся Ней, продолжая свой монолог с невидимым начальством. – Тётушка, кажется, решила устроить генеральную уборку. Или жарит пироги. А мы тут стоим, охраняем пустоту. Эх, Ваше Величество... Когда вы проснётесь, боюсь, будить вас будут уже не фанфары, а похоронный марш. Но кто я такой? Я всего лишь номер 734. Моё дело – звенеть, пока не перережут провод.

Колька замолчал. В комнате повисла тишина – липкая и тягучая.

Петька перестал жевать губу. Ему стало жутко. Жутко не от монстров, а от того, как просто и буднично это произошло.

– Она... погибла? – тихо спросил он.

– Хуже, – покачал головой Колька. – Её не убили. Её перепрограммировали. Она всё ещё там, живая, но больше не хозяйка себе. Она рабыня, которая своими руками собирает армию убийц. Чувствуешь, как в носу закололо?

Петька шмыгнул носом. Там действительно саднило и кололо, словно кто-то рассыпал битое стекло.

– Ага.

– Это запустился завод по производству вирусов, – сказал Колька, закрывая тетрадь с глухим хлопком. – Первая партия готова. Война началась, брат. И, кажется, мы проспали первое сражение.

ГЛАВА 2. ПОЖАР В КВАРТАЛЕ ДЫХАНИЯ

Тишину комнаты разорвал звук, похожий на лай простуженной собаки. Петька резко сел в кровати, схватился за грудь и закашлялся. Кашель был сухой, дерущий, словно кто-то насыпал в горло битого стекла.

– Ой-ёй... – простонал он, когда приступ прошёл и на глазах выступили слёзы. – Больно-то как. Там внутри как будто кошки когтями скребут.

Колька невозмутимо протянул ему стакан воды.

– Пей. Это не кошки, Петька. Это артиллерия.

– Чего? – Петька жадно глотнул воды, но облегчения это почти не принесло.

– Ты думаешь, кашель – это болезнь? – Колька покачал головой, глядя в свои записи. – Нет. Кашель – это попытка твоего организма вышвырнуть захватчиков вон. Твои лёгкие сейчас превращаются в линию фронта. Там объявлено военное положение. Но, к сожалению, **карьера** нашего друга Нея полетела в тартарары быстрее, чем ты успел чихнуть.

– Почему? – удивился Петька. – Он же пытался предупредить!

– В высоких кабинетах, мой друг, прав не тот, кто говорит правду, а тот, кто громче кричит: «Всё хорошо!» Смотри.

В Тронном Зале Черепа, под высокими сводами, где сплетались мириады нервных волокон, царил полумрак. Обычно здесь играла тихая музыка мыслей, но сегодня своды сотрясал вой сирен.

Король Мозг I Мудрый сидел на своём Троне из Серого Вещества. Он выглядел уставшим. Его тяжёлая корона сползла набок, а мантия была истёрта тревожными думами. Вокруг трона суежилась свита – лорды Гормоны, министры Рефлексы и пажи-нейромедиаторы.

Лорд Эндорфин, тучный и румяный, пытался закрыть собой обзор Королю.

– Ваше Величество, не смотрите туда! – лепетал он, размахивая надушенным платком. – Это просто мелкие неприятности на границе. Сквозняк!

Король отодвинул придворного в сторону. Перед троном, преклонив колено, стоял Ней. Его белый мундир был помят, а лицо бледно.

– Сквозняк? – голос Короля был тих, но от него дрожали стены. – Мой верный нейрон говорит, что мы потеряли Носоглотку. Это правда?

– Ваше Величество! – воскликнул Ней, поднимая голову. – Я пытался доложить! Враг коварен! Он использовал фальшивые ключи! Но Лорд Эндорфин запретил мне...

– Ложь! – взвизгнул Эндорфин. – Этот мальчишка проспал вторжение! Он полировал пуговицы, пока Виро ломал ворота! А теперь он пытается свалить вину на Ваших верных слуг!

Король перевёл тяжёлый взгляд с Нея на Эндорфина и обратно. Он знал, что Эндорфин – лжец, но Эндорфин дарил покой. А Ней приносил боль. В этот момент Королю больше всего хотелось именно покоя.

– Боль – это плохой советчик, – вздохнул Король. – Ты принёс дурную весть, гонец. А в Телесии не любят тех, кто портит настроение монарху.

– Но я хотел спасти... – начал Ней.

– Спасай, – перебил Король и махнул рукой. – Там, внизу. Сорвать с него погоны!

Два здоровенных гвардейца-мотонейрона схватили Нея под руки. С треском полетели на пол золотые аксельбанты.

– В ссылку его! – радостно подхватил Эндорфин. – В штрафной батальон! В Долину Бронхов! Пусть искупает вину кровью!

Гвардейцы потащили Нея к огромному круглому люку в центре зала – ко входу в Великий Спинной Тракт. Люк с шипением открылся, пахнуло холодом бездны.

– Ваше Величество, вы совершаете ошибку! – крикнул Ней напоследок.

– Все короли совершают ошибки, – грустно ответил Мозг. – Иначе о нас не писали бы истории.

Нея толкнули в спину. Полёт был долгим и страшным. Он летел сквозь магистрали нервных путей, мимо гудящих узлов связи, всё ниже и ниже, туда, где небо Телесии было затянуто дымом.

Удар. Темнота.

Ней открыл глаза и закашлялся. Он лежал в липкой грязи. Вокруг полыхал пожар.

Долина Бронхов, когда-то цветущий сад, где росли деревья-альвеолы, превратилась в руины. Стены были красными от воспаления. Повсюду валялись обломки, и стоял едкий запах разрушенных белков.

– Эй, салага, голову пригни! Снесёт!

Голос был хриплый, басовитый, обожжённый порохом сражений.

Ней поднял голову. Рядом с ним, в глубокой воронке, сидел воин.

Это был сержант Фаг. Огромный макрофаг, ветеран Ветряночной войны. Он выглядел жутко и величественно. Его тело было заковано в грубую, бугристую кожу-броню, покрытую шрамами. На поясе болтались мешочки с кислотными ферментами. В одной руке он держал обломок чьего-то жгутика, используя его как зубочистку.

Лицо Фага было широким, грубым, с одним глазом, прищуренным от вечного дыма.

– Я... я нейрон! – пискнул Ней, пытаясь отряхнуть свой некогда белый мундир. – Я из Дворца!

– Из Дворца? – Фаг сплюнул под ноги. – Вижу. Беленький, чистенький. Пахнешь духами. Здесь такие долго не живут. Здесь пахнет смертью, парень.

В этот момент из тумана вышла женщина.

Это была простая горожанка – клетка мерцательного эпителия. Раньше она была красавицей с пышной причёской из ресничек. Теперь же шла, шатаясь, как зомби. Её кожа стала серой, лицо раздулось, глаза были пустыми и стеклянными.

Она несла в руках корзинку, наполненную шипастыми шариками. Вирусы!

– Простите меня... – прошептала она, и по её щеке покатилась слеза. – Я не хочу... Он заставляет меня...

Ней вскочил.

– Сержант! Ей нужна помощь! Врача!

Фаг резко дёрнул Нею назад, опрокинув в грязь.

– Дурак! – рявкнул он. – Ей уже никто не поможет! Ложись!

Женщина остановилась. Её тело стало вибрировать. Она посмотрела на Нею с бесконечной мольбой.

– Бегите... – выдохнула она.

Раздался звук, похожий на лопнувший воздушный шар.

БА-БАХ!

Тело несчастной клетки разорвалось на части. Но вместо крови во все стороны брызнули миллионы новых вирусов. Взрывная волна швырнула Нею на дно воронки. Сержант Фаг накрыл его своим массивным телом, принимая удар на себя. Осколки застучали по его броне.

Когда всё стихло, Фаг поднялся и отряхнулся, как огромный пёс.

– Лизис, – мрачно сказал он, глядя на то место, где стояла женщина. – Самая подлая штука. Виро не воюет сам. Он делает из наших жителей живые бомбы. Они кормят его, растят его армию, а потом... бум.

Ней смотрел на пустую воронку. Его трясло. Не от холода, а от ужаса и ярости. Впервые он понял, что война – это не красивые доклады в Тронном Зале.

– Их тысячи... – прошептал Ней. – Как мы их победим?

Фаг достал из кармана фляжку с цитокинами (боевым эликсиром), сделал глоток и протянул Нею.

– Никак, если будем сидеть в луже. Мне нужен огонь, парень.

– Огонь? – не понял Ней.

– Жара! – рыкнул Фаг. – Эти твари боятся жары. Ты же у нас связист? У тебя провода остались? Звони наверх! Пусть Гипоталамус крутит вентили! Нам нужно сжечь этот город, чтобы спасти его!

Петька снова закашлялся, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Щёки его горели, а глаза лихорадочно блестели.

– Колька, – прохрипел он. – Мне жарко. Прямо печёт изнутри. Я горю!

Колька потрогал его лоб.

– Горячий, как утюг! Это значит, что связь восстановлена, – тихо прокомментировал он. – Ней дозвонился. Сержант Фаг просил огня – он его получил. Температура растёт. Готовься, Петька. Сейчас начнётся Великий Ледниковый Поход.

– Ты с ума сошёл? – удивился Петька, стуча зубами. – Какой ледник, если я горю?

– Самый настоящий. Чтобы внутри стало жарко, снаружи должно стать очень холодно. Залезай под одеяло. Сейчас нас будет трясти.

ГЛАВА 3. ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

В комнате стоял грохот. Казалось, кто-то спрятал под кроватью сотню заводных челюстей.

Это стучали зубы Петьки.

Он лежал, свернувшись в тугой комок под тремя одеялами – своим, запасным шерстяным и даже Колькиной курткой. Кровать ходила ходуном.

– З-з-закройте окно! – выстукивал зубами Петька. – Т-там же м-минус с-сорок! Я в сосульку п-превращаюсь!

Колька сидел рядом в одной футболке и обмахивался тетрадкой. Ему-то было жарко.

– Окно закрыто, Пётр. На улице плюс пять. А у тебя, – он взглянул на градусник, – тридцать восемь **и** семь. Ты не замерзаешь. Ты – ядерный реактор, у которого сорвало крышку.

– Т-тогда п-почему мне т-так х-холодно?! – взывл Петька, пытаясь натянуть одеяло выше ушей.

– Экономика войны, брат, – философски заметил Колька. – Чтобы согреть сердце, нужно ограбить пятки. Король Мозг отдал приказ: «Всё для фронта!» Он перекрыл вентили отопления на окраинах, чтобы поднять градус в центре. И сейчас нашему другу Нею приходится очень несладко. Он застрял в пробке на Ледяной Магистрали.

В Верхней Канцелярии Терморегуляции, мрачном бункере глубоко в недрах Мозга, стояла тишина, прерываемая лишь гудением огромных трансформаторов.

За главным пультом стоял генерал Гипоталамус. Это был сухой, жилистый старик в сером кителе, **застёгнутом** на все пуговицы. Он не любил эмоций. Он любил цифры.

– Температура ядра? – отрывисто спросил он.

– Тридцать семь **и** ноль, господин Генерал! – отрапортовал адъютант. – Враг размножается. Сержант Фаг запрашивает поддержку **огнём**.

– Мало, – Гипоталамус поморщился, глядя на карту боевых действий. – Вирусы дохнут при тридцати девяти. Нам нужно поднять ставки.

– Но, сэр! – взмолился адъютант. – Если мы поднимем температуру, мы сожжём запасы энергии! Периферия замёрзнет! Пальцы ног уже пишут жалобы!

Гипоталамус положил руку на массивный рычаг с надписью «ОЗНОБ».

– Плевать на пальцы. Если падёт Крепость Сердце, пальцы нам уже не понадобятся. Объявляю режим тотальной экономии. Отключить кожу. Отключить мышцы. Всё тепло – в центр!

Он с хрустом рванул рычаг вниз.

Нейрон 734 бежал по длинному коридору кровеносного сосуда. Ещё минуту назад здесь было тепло и уютно. Мимо проплывали сытые эритроциты, похожие на красные надувные ватрушки, лениво переговариваясь о погоде.

И вдруг мир изменился.

Стены сосуда содрогнулись и начали сжиматься. Просторный проспект превратился в узкий лаз. Красный свет померк, сменившись мертвенно-бледным сиянием.

Стало холодно. Не просто прохладно, а люто, космически холодно.

– Что п-происходит?! – закричал Ней, чувствуя, как его белоснежный мундир покрывается инеем. – Кто выключил отопление?!

Его ноги начали скользить. Скорость передачи импульса упала. Мысли в голове Нея стали вязкими, как застывающий мёд.

– Шевели поршнями, Снегурочка! – прогремел над ухом бас сержанта Фага.

Ветеран бежал рядом, тяжело топая. Холод его не брал. Наоборот, Фаг словно раскалился. От его огромной туши валил пар, а внутри, в топке метаболизма, гудело пламя ярости.

– Нас отрезали! – прохрипел Ней, стуча зубами так, что искры сыпались. – Гипоталамус перекрыл периферию! Мы замёрзнем здесь! Я не чувствую своих аксонов!

Впереди образовалась пробка. Эритроциты, зажатые сузившимися стенами, сбились в кучу. Они паниковали.

– Эй, начальник! – орал толстый эритроцит с номером 55 на боку. – Куда прёшь?! У меня груз кислорода первой свежести! Я не пролезаю!

– Поднажми, ребята! – командовал Фаг, расталкивая красные клетки плечами. – Дорогу спецтранспорту!

Ней споткнулся и упал. Холод сковал его окончательно. Он лежал на ледяном полу сосуда и смотрел, как на потолке растут сосульки спазма. Ему вдруг стало всё равно. Хотелось просто закрыть глаза и уснуть. Это была сладкая, опасная сонливость замерзающего.

– Вставай, – голос Фага звучал глухо, как из бочки.

– Не могу... – прошептал Ней. – Оставь меня, сержант. Я – элита... Я не приспособлен для ледниковых периодов...

Фаг остановился. Он посмотрел на дрожащего, посиневшего аристократа. В его единственном глазу мелькнуло что-то похожее на жалость, смешанную с презрением.

– Элита... – проворчал Фаг. – В мирное время вы все герои. А как прижмёт – сразу в спячку.

Сержант сгрёб Нея своей огромной лапой-ложноножкой и, как котёнка, закинул себе на спину – прямо на горячий горб, набитый перевариваемыми врагами.

– Ай! – вскрикнул Ней. – Горячо!

– Терпи, – буркнул Фаг. – Это тепло войны. Мы прорываемся к Лимфоузлу. Там сейчас штаб сопротивления. И если ты уснёшь по дороге, я тебя съем. Чисто для профилактики.

Фаг рванул вперёд, работая локтями. Он бежал по замерзающей реке крови, как ледокол.

– Эй, ты! – рявкнул Фаг, пнув замешкавшийся эритроцит. – А ну, подбрось до Центра!

– Не положено! – возмутился эритроцит. – Я – грузовой! Пассажиров не берём!

Фаг молча показал ему свой внушительный набор ферментов-растворителей.

– Садись, дорогой! – тут же расплылся в улыбке эритроцит, подставляя вогнутую спину. – Для героев всегда есть место!

Они неслись по сужающемуся тоннелю верхом на красной клетке. Ветер свистел в ушах. Мимо проносились замёрзшие, обесчелоченные кварталы кожи. На горизонте, в темноте, гасли окна капилляров.

Ней прижался щекой к горячей, грубой шкуре Фага. Он чувствовал, как тепло солдата – простое, грубое, пахнущее потом и гарью – возвращает его к жизни.

– Спасибо, сержант, – тихо сказал Ней.

– Заткнись, – беззлобно отозвался Фаг. – И смотри в оба. Мы подъезжаем к Цитадели. А там, говорят, сейчас такая жара, что плавится сталь.

Впереди, в конце ледяного туннеля, разгоралось багровое зарево.

– Ну как? – спросил Колька, глядя на Петьку. – Чувствуешь? Они прорвались.

Петька перестал стучать зубами. Дрожь внезапно отступила, сменившись тяжёлой, ватной жарой. Он отшвырнул куртку, потом шерстяное одеяло.

– Фух... – выдохнул он, и лицо его стало красным, как спелый помидор. – Теперь не холодно. Теперь как в печке.

– Поздравляю, – кивнул Колька. – Генерал Гипоталамус добился своего. Температура тридцать девять. Вирусы начинают жариться, как яичница. Но самое страшное впереди, Петька.

– Что может быть хуже? – простонал Петька, пытаясь найти прохладное место на подушке.

– Хуже огня только дым, – загадочно ответил Колька. – Токсичный туман. Готовься. Следующая глава будет странной. Очень странной.

ГЛАВА 4. ТУМАННАЯ ЛОВУШКА

Петька лежал тихо. Слишком тихо.

Одеяла были сброшены на пол. Жара, о которой предупреждал Колька, накрыла его с головой. Не уютное тепло печки, а душное, липкое марево.

Глаза Петьки смотрели куда-то сквозь потолок.

– Коль... – прошептал он, не моргая. – А почему люстра шевелится?

Колька, который мочил полотенце в миске с водой, замер.

– Люстра висит, Петька. Она железная.

– Нет, – Петька слабо улыбнулся странной, блуждающей улыбкой. – Это не люстра. Это огромный светящийся паук. Он плетёт сеть. Смотри, какие красивые нити... Золотые...

Колька быстро подошёл и положил мокрую ткань другу на лоб. Достал из-под мышки градусник.

– Тридцать девять и пять, – констатировал он. – Приехали. Это не паук, Петька. Это токсины.

– Кто? – лениво переспросил Петька, следя глазами за невидимыми узорами в воздухе.

– Яды. Виро пустил в ход химическое оружие. Враг добрался до святой святых – до твоей головы. Сейчас в Башне Череп, наверное, такой туман, что Король Мозг не видит собственных рук. Слушай меня, Петька. Не верь паукам. Не верь ничему, что видишь. Это всё – обман.

Нейрон 734 передвигался по капилляру. Он шатался. Его бросало от одной стенки тоннеля к другой. Казалось, что под ногами был мягкий зефир. Стенки сосуда изгибались и хихикали. А воздух... Воздух был плотным, жёлтым и пах приторно-сладкой гнилью.

Они с сержантом Фагом прорывались к Гематоэнцефалическому Барьеру – Великой Стене, отделяющей тело от Мозга. Обычно здесь стояли самые суровые таможенники, которые не пропускали ни одну постороннюю молекулу.

Но сейчас Стена была окутана Жёлтым Туманом.

– Сержант... – язык у Нея заплетался, словно он выпил бочку валерьянки. – Почему здесь так много бабочек?

Фаг шёл впереди, размахивая своим оружием. Он кашлял и отплёвывался.

– Какие к чёрту бабочки?! – прорычал Фаг. – Это токсины! Нейротоксины! Виро отравил кровь! Не дыши глубоко, парень! Отключи сенсоры!

Но Ней не мог не дышать. Сладкий яд проникал сквозь изоляцию. Он щекотал аксоны, путал мысли, подменял реальность.

Вдруг туман расступился. Ней увидел прекрасный Дворцовый Парк. Трава была изумрудной, из фонтанов били струи чистой лимфы... А навстречу ему шёл Виро.

Но это был не тот циничный захватчик в плаще. О, нет. Виро был прекрасен. Он сиял, как ангел. На нём были белые одежды, а в руках он держал лавровый венок.

– Здравствуй, Ней, – голос Виро звучал как музыка сфер. – Ты устал, мой друг?

Ней остановился, глупо улыбаясь.

– Устал... – прошептал он. – Очень устал. Холодно было... А теперь так хорошо.

– Конечно, хорошо, – Виро подошёл ближе. – Зачем тебе эта война? Зачем тебе этот грубый, вонючий Фаг? Посмотри на него.

Ней оглянулся. Вместо могучего воина сержанта Фага он увидел уродливую кучу мусора, которая нелепо дрыгалась в грязи.

– Он – прошлое, – ласково сказал Виро. – Он – боль. А я – будущее. Я – вечный покой. Просто протяни мне руку, Ней. Отключи систему оповещения. Перережь этот красный проводок, который связывает тебя с реальностью. И ты останешься здесь, в саду, навсегда.

Рука Нея сама потянулась к главному кабелю связи. Ему так хотелось спать. Так хотелось, чтобы шум войны стих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.